

Н.Г. ПАШКИН
ЕКАТЕРИНБУРГ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ЗАПАДЕ В ПРЕДДВЕРИИ ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКОГО СОБОРА

Ферраро-Флорентийский собор, который в 1439 г. провозгласил унию христианских церквей Запада и Востока, имел весьма сложную политическую предысторию. С самого начала подготовка этого исторического события протекала на фоне серьезных коллизий между папой Евгением IV (1431–1447) и Базельским церковным собором. С мая 1437 г. латинская церковь оказалась окончательно расколотой. Соответственно каждая из сторон притягивала к себе те или иные политические силы в западном мире. За пределами Италии папа и объявленный им собор явно не находили настоящей поддержки. Но в наиболее трудном положении оказывались византийцы. Разгоревшийся на Западе конфликт грозил обесценить готовящееся мероприятие с точки зрения возлагавшихся на него надежд, так как ставил под вопрос возможности получить реальную помощь в борьбе с турками. В связи с этим имеет смысл обратиться к поведению византийской делегации непосредственно до и после ее прибытия на Запад.

Осенью 1437 г. в Константинополе состоялись непростые переговоры византийцев с посольствами от обеих латинских партий. Делегаты из Базеля убеждали греков не ехать в Италию к папе, а отправиться за Альпы. Однако налицо было явное нежелание императора Иоанна VIII (1425–1448) сделать однозначный выбор в пользу кого-либо. Даже его решение грузиться на папские галеры сопровождалось робким намерением после прибытия в Италию выполнить роль посредника между папой и его противниками. В результате физические тяготы длительного морского путешествия дополнились для византийских делегатов мучительными сомнениями в правильности выбранного пути. Это чувство неуверенности, с которым они покинули свою столицу, в дороге только усилилось. На Пелопоннесе их настигло известие о смерти германского императора Сигизмунда (1410–1437). Эта новость

стала настолько тяжелым ударом, что император всерьез подумывал о том, имеет ли смысл вообще ехать дальше¹. Однако путешествие продолжалось, и 8 февраля 1438 г. галеры бросили якорь в венецианском порту.

Очутившись на Западе, греки лишний раз убедились, что здесь царит раскол. Не могло быть и речи о том, что большинство правителей Европы станут участниками вселенско-униатского собора. Поведение византийцев в первые дни после прибытия никак нельзя расценивать как намерение отправляться прямо к папе, который ожидал их в Ферраре. Сиропул в своем известном сочинении о Флорентийском соборе пишет, что делегаты начали бурно обсуждать дилемму, ехать ли теперь к папе или на Базельский собор². Венецианский дож со своей стороны заявил императору, что греки могут оставаться в Венеции сколь угодно долго, чтобы взвесить свои планы и решить, в каком направлении продолжить путь. Известно, однако, что изначально власти республики, опасаясь вызвать раздражение турецкого султана, не желали, чтобы византийцы задерживались в их городе. Но венецианцы были союзниками папы. В таком случае заявление дожа могло выражать его неуверенность в том, что греки непременно поедут в Феррару, как и надежду на то, что во время их пребывания в Венеции можно будет убедить их в этом.

Император, как пишет тот же Сиропул, пригласил патриарха Иосифа II (1416–1439) на совет. Но последний якобы сослался на недомогание и попросил, чтобы прежде государь обсудил все в собственном кругу и сообщил бы ему свое мнение. Императора не удовлетворил такой уклончивый ответ, и он послал сказать патриарху, что должен знать позицию всех членов совета, на котором высказываются разные точки зрения: одни призывают ехать к папе, а другие считают это нецелесообразным в настоящий момент. Лишь после этого глава византийской церкви высказал свое мнение, а именно категорически осудил тех, кто сомневался идти на встречу с папой³. Отказавшись явиться на совет, патриарх в то же время вступил в закулисные контакты с венецианцами. О них мы узнаем из послания венецианского сената папе, которое датировано 17 февраля. В нем сообщалось следующее:

---

¹ Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le concile de Florence (1438–1439) / Éd. V. LAURENT. P., 1971. IV, 15.

² Ibid. IV, 24.

³ Ibid.

«...патриарх Константинопольский один пожелал переговорить с нами за закрытыми дверями и получить от нас совет. Он заявил, что император и он сам прибыли сюда, чтобы заключить церковную унию, к которой очень стремятся. Однако и до, и после своего прибытия слышали о разногласиях между папой и Базельским собором, а также между папой и некоторыми христианскими князьями, и потому он просил у нас совета в том, что ему делать дальше. Патриарх попросил, чтобы этот разговор остался в тайне ... Мы же ответили ему, что Базельский собор больше не может называться собором, так как главные и уважаемые прелаты покинули его, и лишь те немногие остались там, не имеющие высокого сана, которые не хотят ни унии, ни мира, не имеют никаких других благих намерений, кроме намерения посеять схизму и раскол, потому что таким способом хотели бы повисить свой статус ... Затем мы сказали, что между папой и христианскими государями нет никаких конфликтов и, более того, все самые влиятельные государи находятся в согласии с волей Его Святейшества, благоволят ему, за исключением разве что арагонского короля, который стремится заполучить королевство Сицилийское [Неаполитанское – *Н.П.*]. Так как папа не расположен к нему, но поддерживает короля Рене Анжуйского, то правитель Арагона настроен против папы⁴. То же самое можно сказать и о герцоге Миланском, который давно пытался и пытается теперь отнять часть земель церкви и всеми способами старается нанести ущерб личности и положению папы. Но из других государств не знаем никого, кто был бы против него. После этого мы дали совет патриарху, чтобы император и он сам объединились с понтификом, и чем скорее это случится, тем лучше. Патриарх охотно выслушал нас, после чего выразил желание все обдумать»⁵.

⁴ В данном случае упоминается борьба за неаполитанскую корону между Альфонсом V Арагонским (1416–1458) и Рене Анжуйским, в ходе которой папа поддерживал последнего.

⁵ *Epistola senatus Venetiarum ad papam Eugenium IV // ACA. № 30. P. 26-27: «... reverendissimus dominus patriarcha Constantinopolitanus solus voluit in secreto nos alloqui et habere consilium nostrum, qui in substantia nobis dixit, quod dominus imperator et ipse huc venerunt pro unione ecclesiae Dei, quam valde desiderant, sed quod iam ante et etiam post adventum suum audiverat differentiam esse inter papam et concilium Basiliense ac inter papam et quosdam principes christianos, quodque petebat et volebat consilium a nobis, quid esset acturus, que verba sub maximo secreto nobis dixit ac instantissime petiit, ut secretissima haberentur. ... Nos autem sibi respondimus, quod concilium Basiliense non poterat nec debebat amplius concilium reputari, quoniam principales et dignores prelati discesserant nec remanserant nisi aliqui satis pauci, qui non zelo unionis et pacis nec aliqua bona*

Но, скорее всего, ответ венецианцев лишь утвердил патриарха в его собственном мнении. Уже 17 февраля он писал представителям кастильского короля на Базельском соборе, что в ближайшее время греческая делегация отправится к папе в Феррару. Правда, он давал понять, что не считает закрытым вопрос о месте проведения униатского собора. Патриарх писал, что еще предстоит обсудить это с папой⁶. Что же касается решения императора, то оно стало окончательным не ранее 18 февраля, когда состоялось очередное заседание совета⁷. Свою роль здесь могло сыграть общение со знатными представителями от курии, явившимися 12 и 13 февраля. Один из них был не кто иной, как Николай Альбергати, назначенный президентом униатского собора. На совете прозвучало предложение дожидаться кардинала Чезарини, который прибыл 20-го, но император пожелал, чтобы к его приезду решение было принято⁸. 25 февраля Иоанн VIII Палеолог обратился с письмом к Базельскому собору. Письмо не содержало никаких претензий или упреков к оставшимся там депутатам. Император лишь сообщал, что после долгого и изнурительного пути ему и другим делегатам, ввиду их старости и плохого здоровья, невозможно совершить еще сухопутное путешествие, поэтому он просил всех участни-

---

intentione remanserant, sed solum ad fidem scismatis et discordiae, propter quam sperabant eorum statum augere et quod invidia potius et odio movebantur, de quibus facienda non est aliqua reputatio. ... Item, quod inter beatitudinem suam et principes christianos non erat aliqua differentia vel discordia, immo quod sciebamus omnes principales principes christianitatis esse unitos et bene conformes cum voluntate clementiae suae et ad eius dignitatem et statum bene dispositos, nisi forte essent rex Aragonum, qui aspiravit et aspirat ad regnum Siciliae et quoniam eius sanctitas non favet sibi, sed potius regi Renato, idem rex Aragonum adversatur beatitudini suae. Praeterea dux Mediolani, qui dudum quesivit et querit surripere de terris ecclesiae ac multis modis conatus est facere contra personam et statum beatitudinis suae. Sed de aliis principibus et dominis christianis neminem scimus, qui non sit propitius clementiae suae. ... Demumque ad partem consilii diximus, quod salubrius consilium, quod in hac materia videamus ad perficiendum tam sanctum opus, est quod serenissimus dominus imperator et ipse reverendissimus dominus patriarcha et sui cum ipso summo pontifice uniantur, et quanto celerius istud fiet, tanto laudabilibus et utilius iudicamus. Visus est libenter audire consilium nostrum, postremoque dixit, quod cogitare volebat».

⁶ Текст письма опубликован. См.: LAURENT V. Les ambassadeurs du roi de Castille au concile de Bâle et le Patriarche Joseph II (Février 1438) // REB. 1960. Vol. 18. P. 136-144.

⁷ Ibid. P. 142.

⁸ Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de Constantinople Sylvestre Syropoulos... IV, 26.

ков собора приехать в Феррару⁹. Можно сказать, что на этом посредническая миссия византийского правителя закончилась. Через три дня, 28 февраля, византийцы покинули Венецию.

Поведение греков после прибытия на Запад ясно показывает, что атмосфера раскола и конфронтации, обнаруженная ими на Западе, воспринималась крайне негативно, и вопрос о дальнейших шагах не считался предрешенным. Император, по-видимому, еще не исключал возможности стать посредником между папой и Базельским собором, однако реальными инструментами влияния на ситуацию он не обладал. В то же время патриарх занял гораздо более твердую позицию в пользу папы, которая лишь укрепилась после его закулисных переговоров с венецианским сенатом. Сделанный греками выбор был, пожалуй, уже единственно возможным в сложившихся условиях. Однако есть основания предполагать, что даже после прибытия в Феррару император не оставлял надежды изменить ситуацию.

До недавнего времени считалось, что вышеупомянутое письмо императора от 28 февраля было его последним посланием, которое он отправил в Базель. Однако в последние годы появились данные о том, что его неофициальные контакты с Базелем продолжались. Среди материалов архивных коллекций было, в частности, обнаружено письмо императору из Базеля от некоего грека по имени Димитрий¹⁰. Из письма следует, что оно само явилось ответом на императорское послание, отправленное из Феррары 10 июля 1438 г.¹¹ Прямой и достоверной информации об авторе нет. Однако в протоколах Базельского собора, начиная с мая 1437 г. несколько раз упоминается грек с этим же именем, являвшийся грамматиком и учителем греческого языка при Базельском университете. По имеющимся данным, к указанному времени он уже несколько лет проживал в Базеле, но при этом посылал деньги своей семье, которую оставил в Византии. Можно предположить, что авторство письма принадлежит именно этому человеку¹².

⁹ DÖLGER F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München, 1965. Bd. 5: 1341–1453. № 3478. Текст письма см.: SECCONI E. Studi Storici sul concilio di Firenze. Bd. 1. Firenze, 1869. № CLXXXVI.

¹⁰ См. об этом: HAIDÚ K. Eine Rede an die Basler Konzilsväter und ihr bekannter Autor, Demetrios von Konstantinopel // BZ. 2000. Bd. 93. S. 125–132.

¹¹ Собор в Ферраре открылся в январе 1438 г.

¹² Указанному лицу, скорее всего, следует приписать авторство еще одного документа, который тоже сравнительно недавно оказался в руках исследователя. Это текст речи анонимного греческого автора, обращенный к депутатам Базельского собора и относящийся ко второй половине 1436 или к началу

В отличие от официальной делегации своих соотечественников, Димитрий не только остался на стороне Базельского собора, но и продолжал убеждать византийского императора в правильности своей позиции. Как следует из письма¹³, автор к тому времени уже неоднократно, в ответ на просьбы императора, отправлял ему свои доклады из Базеля, в которых выражал свое мнение. В последнем письме из Феррары Иоанн VIII Палеолог поставил якобы под сомнение справедливость его посланий¹⁴. Примечательно, что на это Димитрий ответил яростной критикой в адрес неких лиц, которые, по его мнению, ввели императора в заблуждение и уже заставили его разорвать отношения с Базельским собором. Среди них, в частности, была упомянута фигура Дисипата. О каком представителе этой фамилии в данном случае идет речь, непонятно. Скорее всего, об Иоанне, который был последним византийским послом в Базеле¹⁵. Димитрий в своем письме уверял императора, что собор в Ферраре, в отличие от Базельского, не пользуется признанием у христиан Запада, поэтому грекам нечего ждать помощи от папы. По его словам, последней надеждой империи является Базель, ибо только он способен организовать поход против турок. Автор упрекнул византийского правителя в том, что своим решением поддержать папу он взял на себя вину за разжигание новой схизмы. В заключение Ди-

---

1437 г. Текст написан по-гречески, но снабжен построчным латинским переводом, в котором, вероятно, и был зачитан. Речь призывает депутатов непременно решить проблему церковной унии и оказать Византии помощь против турок. О себе автор сообщает крайне скудные сведения, которые, тем не менее, вполне позволяют идентифицировать его с вышеупомянутым Димитрием. См.: HAIDÚ K. Eine Rede an die Basler Konzilsväter... S. 125-129. Возможно, имели место контакты между ним и византийскими послами, посещавшими Базель. Из текста речи следует, что автор лично способствовал делу объединения греков и латинян.

¹³ О содержании письма см.: HAIDÚ K. Eine Rede an die Basler Konzilsväter... S. 130-131.

¹⁴ Сведения об этих контактах императора не были известны Ф. Дэльгеру, когда им был опубликован пятый том регест, поэтому там в качестве последнего послания византийского правителя в Базель фигурирует его письмо от 28 февраля из Венеции. DÖLGER F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches... Bd. 5: 1341-1453. № 3478.

¹⁵ В феврале 1437 г. Иоанн Дисипат от имени византийской стороны прервал переговоры с Базельским собором, после чего признал партию папы Евгения IV единственным законным представительством западной церкви. См.: SECCONI E. Studi Storici sul concilio di Firenze. №№ CVI, CXXXIV. Кроме него, правда, на Флорентийском соборе присутствовал его брат Георгий. См.: PLP, № 5529, 5537.

митрий призвал императора пересмотреть свое мнение, приехать в Базель и тогда, считал он, и папе не останется ничего другого, как примириться с собором¹⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о глубоких сомнениях, которые византийский император продолжал испытывать и после приезда в Феррару и открытия здесь униатского собора. Его по-прежнему интересовала обстановка в Базеле, и он получал информацию о ней, пользуясь услугами вышеупомянутого Димитрия, который находился там в качестве частного лица. С другой стороны, император испытывал сильное давление со стороны той части своего окружения, которая выступала за союз с понтификом. Во главе этой партии, вероятнее всего, стоял сам патриарх. В то же самое время, как стоит отметить, и в Базеле по-прежнему не оставляли надежды переманить греков на свою сторону. Письмо Димитрия императору, возможно, было составлено под влиянием базельских руководителей, что давало автору право делать свои заявления от имени собора. Как бы то ни было, греческая делегация осталась в Ферраре, откуда в феврале 1439 г. собор переехал во Флоренцию. Находясь в зависимости – в том числе материальной – от папы и его политических союзников, византийцы в любом случае были ограничены в своих возможностях играть активную роль в деле преодоления кризиса западной церкви.

---

¹⁶ К сожалению, мы не знаем, имел ли место ответ императора на это письмо.

N.G. PAŠKIN
EKATERINBURG

DIE BYZANTINISCHE DELEGATION IM WESTEN KURZ
VOR DEM KONZIL VON FERRARA-FLORENZ

Der Artikel bezieht sich auf die Umstände der Ankunft der byzantinischen Delegation in Italien am Vorabend des Konzils von Ferrara-Florenz. Es werden Themen erörtert, die das Verhalten von Kaiser und Patriarch, den Anführern der Delegation, vor dem Hintergrund der Krise und der Kirchenspaltung im Westen betreffen.